

УДК 159.942.5

Наталья Геннадьевна Новак

канд. психол. наук, доц., доц. каф. социальной и педагогической психологии
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
докторант каф. социальной и организационной психологии
Белорусского государственного университета

Natalya Novak

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social and Pedagogical Psychology
of the Francysk Skaryna Gomel State University,
Doctoral Student of the Department of Social and Organizational Psychology
at the Belarusian State University
e-mail: natalya_novak_80@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ К КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ В СЕМЬЕ

Статья посвящена проблеме переживания детьми кризисных событий в родительской семье на основе результатов ретроспективного анализа. Рассматривается понятие «опыт переживания кризисной ситуации», одним из структурных компонентов которого является отношение личности к произошедшему кризисному событию. В исследовании приняли участие юноши и девушки, пережившие кризисные события в родительских семьях. Выделены наиболее часто встречающиеся кризисные события жизненного пути личности юношеского возраста: развод, смерть члена семьи, проживание с аддиктивным родителем. На основе материалов полуструктурированного интервью проанализировано отношение юношей и девушек к кризисному событию. С использованием метода категоризации значений С. Квале выделены типы отношения к кризисному событию: адаптивное, зависимое, оборонительное, враждебное, дистантное. Соотнесена содержательная характеристика типа отношения к семейному кризису с позиции благоприятности/неблагоприятности для психоэмоционального развития ребенка. Статья ориентирована на специалистов в области психологии здоровья, психологического консультирования и психотерапии, кризисной психологии.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, кризисное событие, кризисная ситуация, кризис семьи, переживание, опыт переживания кризисного события, полуструктурированное интервью.

Retrospective Analysis of Children's Attitude to the Crisis Situation in the Family

The article is devoted to the problem of children experiencing crisis events in the parental family (based on the results of a retrospective analysis). The concept of «experience of experiencing a crisis situation» is considered, one of the structural components of which is the attitude of the individual to the crisis event that occurred. The study involved young men and women who experienced a crisis event in the parental family. The most common crisis events of the life path of a young person are highlighted: divorce, death of a family member, living with an addictive parent. Based on the materials of a semi-structured interview, the attitude of young men and women to the crisis event is analyzed. By the method of categorization of values (S. Kvale), the author identifies the types of attitude to a crisis event: adaptive, dependent, defensive, hostile, distant. The article also correlates the content characteristics of the type of attitude to the family crisis from the position of favorability/unfavorability for the psychoemotional development of the child. The article is aimed at specialists in the field of health psychology, psychological counseling and psychotherapy, crisis psychology.

Key words: retrospective analysis, crisis event, crisis situation, family crisis, experience, experience of experiencing a crisis event, semi-structured interview.

Введение

Первостепенную роль в жизни любого человека играют личностно значимые события – это события «особого рода», определенные С. Л. Рубинштейном как «узло-

вые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется дальнейший жизненный путь человека» [1, с. 643].

Значимость такого рода событий определяется тем, что они связаны с «внутренним ядром» личности, его ценностно-смысловыми структурами, требуют особого эмоционального и когнитивного преобразования и отражения во внутреннем мире человека [2]. Индикаторами субъективной значимости событий являются: актуализация жизненного замысла или, напротив, ощущение бессмысленности жизни, осознание потребности в переосмыслении прожитых этапов жизненного пути, их переоценка, необходимость поиска новых способов жизнедеятельности, стремление изменить себя, свою жизнь, пересмотр ценностей, трансформация целей и т. п. [3].

К числу значимых относится «кризисное событие», т. е. событие, которое воспринимается субъектом как сложное, переломное, не поддающееся контролю, и требует от него активности, мобилизации ресурсов с целью совладания с ситуацией, с целью ее преодоления [4]. В Кратком психологическом словаре понятие «кризис» (греч. *krisis* 'решение, поворотный пункт, исход') определяется как «эмоционально значимое событие или радикальное изменение статуса в персональной жизни» [5, с. 174]. Как отметил Л. А. Пергаменщик, системообразующими элементами для рассматриваемой категории являются «нежелательность явления» и «совместная опасность» [6, с. 11]. Критичность такого рода событий заключается в том, что они «создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей» [7, с. 816]. В такие моменты жизни человек осознает наличие проблемной ситуации, «от которой он не может уйти и которую не может разрешить в короткое время и привычным способом» [8, с. 525].

Важно также разобраться, почему одна и та же ситуация для одного человека может стать значимым событием, а для другого остаться лишь отраженным в психике элементом действительности.

Анализ научной литературы по данной проблеме позволяет нам заключить, что отбор значимых событий из контекста ситуации определяется отношением человека к ним. В самом общем виде отношение — это фиксированное по какому-либо признаку взаиморасположение субъектов, объектов и их свойств [5, с. 242]. Это целостная в

системном плане и индивидуализированная категория, вбирающая в себя как социальное качество связей личности с другими людьми, так и субъективные предпочтения и установки по поводу явлений, событий, ценностей мира. В рамках данной работы мы будем говорить об особом виде отношения — «ценностном отношении». Обращение к данной категории позволит нам объяснить уникальность жизненного пути личности через связь событий внешнего мира и внутренней жизни индивида, указывая на их неразрывность.

Методы и организация исследования

Цель исследования — ретроспективный анализ типа отношения детей к ситуации ненормативного кризиса в родительской семье. *Метод* исследования — полуструктурированное интервью.

Обработка текстов интервью осуществлялась методом категоризации значений (С. Квале). По утверждению С. Квале, метод интервью, не смотря на трудоемкость его применения и последующей обработки полученных данных, позволяет исследователю получить «описание жизненного мира респондента» для последующей интерпретации смысла описываемых феноменов [9, с. 40]. Он «особенно подходит для изучения того, как люди понимают смыслы в своем жизненном мире, описания их переживаний и прояснения и детализации их взглядов на жизненный мир» [9, с. 110]. И тогда основная цель применения метода интервью может быть определена как «получение качественных описаний жизненного мира собеседника с учетом интерпретации их смыслов» [9, с. 128]. Процедура интервьюирования осуществлялась в соответствии с требованиями, изложенными в работе С. Квале «Исследовательское интервью», и включала в себя семь этапов: выбор темы, планирование, интервьюирование, расшифровка, анализ данных, верификация (проверка обобщенности, надежности и валидности выводов), написание отчета [9, с. 93].

В исследовании приняли участие юноши и девушки, пережившие кризисное событие в родительской семье. В процессе анализа материалов интервью ($n = 120$) было выявлено, что наиболее часто встречающимися на жизненном пути респондентов юношеского возраста являются следующие

кризисные события: *совместное проживание с пьющим родителем* (61 %), *смерть члена семьи* (47,5 %), *развод родителей* (44 %). В некоторых случаях имело место сочетание кризисных событий (смерть пьющего отца; один из родителей умер через несколько лет после развода; отец умер, а мать вышла замуж за человека, который оказался алкоголиком, и вскоре тоже умерла; мать умерла, остался отец-алкоголик). Данные события подпадают под категорию «ненормативный кризис семьи». Частота и доминирование в представленной выборке событий, связанных с родительской семьей, обусловлены в первую очередь возрастом респондентов (включенность в родительскую семью).

Также в процессе интервьюирования респондентами были отмечены и другие кризисные события, имеющие незначительную частоту встречаемости (клиническая смерть, повторный брак родителей, изнасилование, предательство друга, измена, переезд в другую страну на постоянное место жительства и др.).

Типы отношения к кризисному событию в родительской семье

В результате переживания кризисного события человек приобретает субъективный опыт, содержание которого можно выразить посредством таких структурных компонентов, как:

1) *денотативный* (сформировавшийся в процессе переживания образ кризисного события, представления о себе и других людях как его участниках);

2) *коннотативный* (оценка кризисной ситуации, отношение к себе и другим людям как ее участникам (субъектам));

3) *конативный* (приобретенные в процессе переживания кризисного события стратегии совладающего поведения и особенности межличностного взаимодействия) [10].

Приобретенный опыт переживания зависит от степени осмысления пережитого, проявляется на уровне внутренней активности (денотативный и коннотативный компоненты) и определяет активность внешнюю (конативный компонент). Указанные компоненты не являются ригидными образованиями, а находятся в состоянии тесного взаимодействия, взаимообмена, в результате чего формируются константная (более

стабильная) и активная (меняющаяся) части опыта переживания. Благодаря этой особенности содержание усвоенного опыта в некоторой степени поддается воздействию и может быть трансформировано, например, в процессе психотерапии. В связи с этим Ф. Е. Василюк отмечал, что «каждый человек всегда сам и только сам может пережить события, обстоятельства и изменения своей жизни, никто за него этого сделать не может», и все же процессом переживания можно в определенной мере управлять – «стимулировать его, организовывать, направлять, обеспечивать благоприятные для него условия, стремясь к тому, чтобы этот процесс в идеале вел к росту и совершенствованию личности – или, по крайней мере, не шел патологическим или социально неприемлемым путем (алкоголизм, невротизация, психопатизация, самоубийство, преступление и т. д.)» [11, с. 3].

Качественный анализ содержания опыта переживания респондентов позволяет нам говорить о том, что в результате осмысления пережитого формируется определенный тип *отношения* человека к кризисному событию. Мы будем считать под «отношением к кризисному событию» зафиксированную в процессе интервьюирования (т. е. «сейчас») оценку произошедшего (того, что происходило «тогда»), основанную на представлениях о кризисной ситуации и ее участниках (в т. ч. и о самом себе). Так, в результате категоризации материалов интервью были выделены типы отношения респондентов к кризисному событию, раскрывающие представление о ситуации, отношение к себе и к другим как участникам кризисной ситуации.

Адаптивное отношение. Оно формируется на смыслообразующей основе и предполагает адекватную оценку человеком кризисной ситуации, пересмотр собственных интересов, потребностей с учетом изменившихся обстоятельств, адаптацию к новому образу жизни. В данном случае человек в меру критичен по отношению к себе, адекватно относится к другим участникам кризисной ситуации. При оценке пережитого он не проявляет агрессии по отношению к участникам кризисного события, оптимистичен, не испытывает глубокой подавленности, апатии, депрессии по поводу произошедшего, позитивно смотрит в бу-

дущее. Благодаря своим положительным жизненным установкам, действует уверенно, при необходимости принимает помощь окружающих.

Зависимое отношение. Оно отличается отсутствием собственных жизненных ориентиров и эмоциональной зависимостью от референтного другого (в представленных случаях – родителя), который до кризисного события обеспечивал ему ощущение безопасности, комфорта, помогал поддерживать внутреннюю гармонию, эмоциональное равновесие. Кризисное событие расценивается как трагическое, становится причиной внутреннего раскола и разрушения жизненной перспективы, связанные с событием воспоминания вызывают повышенное психоэмоциональное напряжение. Для сохранения иллюзии благополучия и восстановления внутреннего равновесия человек в своих воспоминаниях постоянно возвращается к «лучшим моментам» из прошлой жизни, словно «застревает» в более счастливом прошлом (вместе с утратой близкого человека настоящее потеряло смысл), может вести себя враждебно по отношению к другим участникам кризисной ситуации и/или по отношению к себе (самобичевание, самокопание), переживает обостренное чувство «несправедливости» жизни.

Оборонительное отношение. Оно характеризуется чрезмерной эмоциональной сдержанностью, резкостью, категоричностью оценок произошедшего, стремлением произвести впечатление «самодостаточного» человека, отличается неготовностью принять помощь со стороны других людей. Люди данного типа занимают оборонительную позицию по отношению к человеку, пытающемуся «вникнуть» в суть их персональной истории (избегают высказывать собственное мнение, предпочитают не обсуждать свои проблемы, сомнения), но при этом отличаются самообладанием, внешне сохраняют спокойствие и не выражают враждебности.

Враждебное отношение. Оно отличается доминированием деструктивных чувств (раздражительность, гнев, обида, агрессия), стремлением определить «виновного» – ответственного за случившееся (при этом не всегда адекватно оценивает произошедшее) и дистанцируется от общения с ним. Поскольку воспоминания о кризисном собы-

тии эмоционально неприятны, человек старается забыть о нем, переключиться. С этой целью он может включиться в конструктивную активность (поглощенность учебой, увлечение музыкой, литературой, общение с друзьями или другими родственниками, хобби и т. д.), деструктивную активность (дворовые компании, асоциальное поведение) или прибегнуть к механизмам психологической защиты. В особо тяжелых случаях такое отношение может привести к психосоматическим или невротическим отклонениям и транслироваться не только на «виновного», но и на других людей.

Дистантное отношение. Оно проявляется как избегание каких-либо оценочных суждений и деструктивных чувств в отношении участников кризисной ситуации, но ощущение подавленности, апатии, депрессии по поводу произошедшего. Имеет место вытеснение связанных с кризисом мыслей, чувств, воспоминаний, игнорирование «ненормальности» и травматичности собственных мыслей и эмоциональных переживаний, демонстрация позиции «все ОК».

Рассмотрим выделенные типы отношения с учетом кризисного события, используя цитаты из жизненных историй респондентов. С целью сохранения целостности и эмоциональной окраски содержательной картины высказывания юношей и девушек приводятся дословно.

Для большинства (43,8 %) юношей и девушек, переживших смерть члена семьи, характерно «адаптивное отношение». В процессе интервью они вспоминали о том, как тяжело было (особенного в первое время), рассказывали о том, как тосковали об умершем, как им хотелось, чтобы дорогой человек снова оказался рядом, чтобы «этот страшный сон закончился». Однако со временем им пришлось смириться с утратой. И хотя душевная боль понемногу притупилась, остались тоска, сожаление и горечь потери (результат *адаптивного* отношения).

Вот как описала свое состояние *Антонина* (потеряла мать): «*Все произошло так резко. Неожиданно. Я была тогда маленькой – 13 лет. Поначалу много плакала, но потом силой воли преодолела. Смирилась. Жизнь продолжается. Надо было как-то справляться. Мне кажется, что я сразу все осознала. Просто очень тяжело было – не хотела верить. Потом стала меньше ду-*

мать. Рядом был папа. Он меня поддерживал, а я – его. Он у меня – молодец!».

В 26,3 % случаев респонденты так и не смогли смириться со смертью близкого человека – для них переживаемое горе было подобно крушению Мира. Речь идет о респондентах, для которых родитель был «кумиром», «идеалом». Опираясь на материалы интервью, можно говорить о том, что между ними была очень тесная эмоциональная связь и сильная привязанность (*зависимое* отношение). Вместе со смертью родителя был потерян смысл собственной жизни, жизненные ориентиры. В результате разрыва такого рода созависимых отношений произошло нарушение самоидентичности, разрушение Я-образа ребенка. В таких случаях доминирующей аффективной компонентой процесса переживания являются негативные чувства по отношению к умершему (обида и злость, за то, что он «бросил», «оставил жить без себя»), пониженный эмоциональный фон (самобичевание, плаксивость, раздражительность), ощущение бессилия и депрессивное состояние. Аналогичные данные мы можем видеть в работах, посвященных проблеме переживания горя. Респонденты данной подгруппы «застряли» в кризисном состоянии, что значительно усложнило внутреннюю деятельность по самовосстановлению, самореконструкции и блокировало процесс осмысления, переоценки происходящего и принятия факта смерти близкого человека.

Содержание интервью также позволяет говорить о том, что респонденты с «зависимым» типом отношения зачастую испытывают недоверие и выражают агрессию по отношению к другим родственникам, обвиняют их в случившемся. Такое поведение становится причиной самоизоляции в семье, способствует возникновению межличностных конфликтов, а также становится причиной трудностей в сфере интимно-личностного общения (особенно это касается партнеров одного пола с умершим родителем).

Часть респондентов, переживших смерть члена семьи (14 %), предпочли не говорить о пережитом кризисном событии, считая, что «говорить не о чем» (дистантное отношение). В беседе с такими респондентами складывалось впечатление, что у них «выключен» эмоциональный канал, а воспоминания о событии вытеснены. Мы

считаем, что демонстрация дистантного отношения в ситуации потери близкого свидетельствует как раз о вытеснении травматического опыта, незавершенности процесса переживания и блокировании работы горя (капсулирование травмы). Чтобы выявить возможные причины такого поведения, мы обратились к материалам интервью и выяснили, что часть респондентов данной подгруппы не хотели вспоминать про умершего родителя, т. к. до смерти детско-родительские отношения носили эмоционально негативный характер (конфликтные отношения с родителем, физическое насилие с его стороны и т. п.). Практически половина юношей и девушек данной подгруппы были озадачены тем, что мало что помнили о случившемся. Например, *Татьяна* даже удивилась «отсутствию» чувств и воспоминаний, связанных со смертью отца. Девушка рассказала следующее: «Я была маленькая. Не знаю, может как-то не воспринимала всерьез. Сейчас как-то так. Даже странно. Ведь 10 лет мне тогда было... [задумалась] Может, много времени прошло? Может с детства так «особо ничего не помню»?» Далее выяснилось, что при жизни отец *Тани* злоупотреблял алкоголем, часто скандалил с матерью, и дочь его возненавидела.

По словам девушки, после смерти отца всем в семье жить стало легче, а сама *Татьяна* испытала чувство облегчения. Другими словами, в ситуации, предполагающей переживание скорби и печали, девушка испытала радость от избавления. Амбивалентность чувств и желание поскорее забыть о прошлом способствовали вытеснению фрагмента жизни, который не укладывался в желаемую картину мира девушки. Такого рода избирательная «амнезия» является иллюстрацией описанной Ф. Е. Василюком психотехники «процесса переживания на уровне бессознательного» [12, с. 28]. В приведенном примере произошла фиксация на уровне осознания респондентом наличия «разрыва понятности» при воспроизведении содержания пережитого («Даже странно. Ведь 10 лет мне тогда было...»). Ф. Е. Василюк пишет о том, что не замечаемый человеком разрыв должен быть доведен до его сознания в процессе терапии прежде, чем человеком будет дана собственная интерпретация (т. к. она может быть не всегда адекватной) [12].

В нескольких случаях (7 %) юноши и девушки пережили утрату близкого совсем недавно и вследствие острого кризисного состояния отказались обсуждать данную тему (*оборонительное* отношение). 8,8 % юношей и девушек потеряли близкого в раннем детстве и мало что помнили о случившемся.

В ситуации развода родителей *«адаптивное»* отношение к разводу выявлено в 39,6 % опрошенных. Из них 80,9 % считают, что такой вариант был неизбежным и даже необходимым, поскольку в большинстве этих случаев (94,4 %) основной причиной расторжения брака было злоупотребление алкоголем одним из родителей. В результате ухода пьющего родителя прекратились скандалы и драки в семье. Респонденты оценивали развод как благоприятный поворот жизни даже в том случае, когда семья была вынуждена проживать совместно с пьющим родителем, т. к. он «официально» лишился права вмешиваться в жизнь семьи и дети чувствовали себя более защищенными. Оставшиеся 19 % отметили, что развод «ничего не изменил» в их отношениях с родителями, и продолжали поддерживать отношения с отцом, ушедшим из семьи в результате развода.

Как показал анализ материалов интервью, адаптивное отношение к ситуации развода не исключает положительные взаимоотношения с ушедшим из семьи родителем. В некоторых случаях дети в ситуации развода родителей на первое место ставили не собственные желания и чувства, а «благо семьи» (как его понимали) и в первую очередь – потребности матери. При сильной эмоциональной привязанности к пьющему родителю развод выступает в качестве средства разрешения внутриличностного конфликта: ребенку сложно любить и прощать отца, который в состоянии алкогольного опьянения унижает или избивает мать. «Исключение» из семьи пьющего отца позволило остальным членам семьи обрести спокойствие, а дети получили возможность выстраивать отношения с отцом за пределами семьи, в более спокойной и приемлемой для них обстановке (например, общаться во время совместных прогулок или занятий спортом, встречаться с отцом тогда, когда он трезвый).

«Враждебное» отношение к разводу родителей выявлено у 26,4 % опрошенных: ситуация развода и послеразводный период сопряжены с негативными эмоциями и чувствами (обида, страх за будущее семьи, сожаление, протест, ненависть, злость и т. п.). Большинство респондентов данной подгруппы обвиняли в случившемся отца (пил, гулял и т. д.), но некоторые вину за случившееся в семье приписывали матери («у нее тяжелый характер», «изменила» и др.). В последнем случае ребенку было значительно сложнее сформировать конструктивные взаимоотношения с отчимом: если первоначально протест проявлялся в форме частых конфликтов с новым членом семьи через демонстрацию непослушания, то по мере взросления он сопровождался агрессией и обвинениями в адрес матери, проявлялось стремление дистанцироваться, избегать эмоционально близких отношений и с матерью, и с отчимом, желанием уйти из дома.

Для 5,6 % респондентов (девушек) переживание развода было сопряжено с повышенным чувством обиды по отношению к матери, а также сожалением, чувством несправедливости, горечи по поводу ухода отца (*зависимое* отношение). Например, *Наталья* рассказала о том, что «с мамой отношения не очень хорошие, а с отцом общаюсь до сих пор. Когда родители развелись, меня особо никто не спрашивал, с кем хочу остаться». Если бы представилась такая возможность, девушка бы выбрала совместное проживание с отцом, а не с матерью. Несколько человек (5,6 %) заняли *оборонительную* позицию и старались поскорее «закрыть» тему, вплоть до отказа обсуждать семейную ситуацию.

В 22,6 % случаев не удалось выявить отношение юношей и девушек к разводу родителей по причине раннего возраста респондента на момент кризисного события. Они не помнили ушедшего после развода отца, но отчетливо ощущали потребность в нем, в его участии. При этом, чем меньше возраст респондента на момент развода, тем в большей степени его отношение к разводу и ушедшему из семьи родителю обусловлено мнением других родственников.

При анализе ситуации алкоголизма члена семьи в категорию *«враждебное»* отношение включены респонденты (70,3 %), которые осуждали, рьяно обвиняли зависи-

мого от алкоголя родителя (в более 90 % случаев речь идет об отцах/отчимах). Респонденты этой группы переживали злость по поводу происшедшего (происходящего) в семье, сожалели, что ничего не могли (не могут) изменить. Практически все они подчеркнули, что ситуацию в алкогольной семье можно исправить только в случае развода родителей. Воспоминания взрослых детей алкоголиков (ВДА) наполнены обидой, горечью, ненавистью, страхом, напряжением, чувством беспомощности и безысходности.

Например, **Юля** рассказала следующее: *«Мать не старалась нас защищать и встала на сторону отчима. Конечно, он же нормальные деньги зарабатывал, она новую жизнь приобрела и не хотела ее терять. Поэтому все эти издевательства были направлены против нас (Юли и ее сестры. – Н. Н.). И когда мы пытались что-то матери сказать, объяснить, она говорила: «Терпите. А что делать?»». Так они жили семь лет: «Это было ужасно, такие унижения. Он бил маму, бил нас. В нас бросал топором. В общем, у нас были такие ужасы, что я до сих пор... Я стала очень нервной». Когда мать девушки развелась, жить стало легче, однако они по-прежнему были вынуждены жить в одной квартире с пьющим отчимом. Годы страха и страданий привели к нарушению психологического и соматического здоровья девушки, к «нервному срыву»: Юля рассказала, что стала очень раздражительной, плаксивой, неуверенной в себе, стала плохо спать, появились проблемы с лишним весом.*

Если обратиться к описанию стадий работы горя по Кюблер-Росс, то мы увидим, что состояние девушки, проживающей в алкогольной семье, соответствует четвертой стадии – «депрессия», для которой характерны такие симптомы, как ночные кошмары или другие нарушения сна, потеря веса или аппетита, физические боли или недомогания [6, с. 78]. Описанные выше отклонения здоровья взрослых детей алкоголиков свидетельствуют о том, что ситуация алкоголизма родителя может переживаться ребенком так же тяжело, как и его смерть. Более того, пятая фаза – «разрешение» (конечная фаза траура, когда ребенок окончательно принимает смерть) в случае проживания с алкоголиком никак

не наступает, и ребенок продолжает страдать. Именно поэтому ВДА в большинстве рассматривают развод родителей как единственный путь избавления от психотравмирующего воздействия. В противном случае следствием длительного совместного проживания с зависимым родителем становится хроническая травматизация психики ребенка, что приводит к доминированию аффективных реакций и психосоматическим нарушениям, а в особо тяжелых случаях – к формированию посттравматического стрессового расстройства.

Выявлено, что характер переживания ситуации совместного проживания с родителем-алкоголиком может иметь несколько вариантов. Чаще всего, как мы уже говорили, происходит «обесценивание» значимости злоупотребляющего алкоголем родителя, что дает детям алкоголика право «не уважать» его (*«какой ты после этого отец, не лезь в мою жизнь»*) и тем самым защитить себя от общения и вмешательства с его стороны. В некоторых случаях чувства обиды и ненависти бывают настолько сильными, что ВДА в своих фантазиях продумывают варианты наказания, планы мести отцу за причиненные боль и страдания. Вместе с тем в выборке исследования также представлены случаи, когда взрослые дети алкоголиков, смирившись с безысходностью ситуации, пытались дистанцироваться от негативных эмоций и чувств, по возможности игнорировали злоупотребляющего алкоголем родителя, прекратив с ним общение.

К примеру, **Наталья** долгое время пыталась «бороться» с алкоголизмом отца. По словам девушки, она перепробовала множество способов, начиная с уговоров и заканчивая обращением в милицию, но ничего не помогло. Когда умерла мать, Наташа решила максимально оградить себя от проблемы и перешла жить к старшей сестре, сосредоточилась на учебе. В процессе интервью девушка рассказывала: *«Если бы я могла что-то изменить, я бы поменяла смерть матери на смерть отца. В глубине души я этого не хочу, но всем говорю, что желаю ему смерти. Я не хочу его видеть, слышать и все такое... Даже сейчас, приходя домой, я слышу только оскорбления и унижения... Если я приезжаю домой, то*

только ночью, а все остальное время нахожусь у сестры».

23 % опрошенных при описании ситуации не проявляли своих эмоций и избегали каких-либо оценочных суждений, они жалели злоупотребляющего алкоголем родителя, сочувствовали ему и старались сохранить к нему уважение («зависимое» отношение). Нельзя сказать, что их устраивала семейная ситуация, но в отличие от респондентов первой подгруппы, они не обвиняли пьющего родителя. Большинство из них готовы были терпеть периоды запоя, поскольку очень любили родителя и боялись его потерять, поэтому пытались принимать родителя таким, какой он есть. Респонденты данной подгруппы говорили о том, что в трезвом состоянии родитель – замечательный человек, заботливый, добрый, умный. Многие нашли приемлемые для себя причины зависимого поведения, оправдывая родителя: «Он слабый человек, и его друзья этим пользуются»; «У отца очень болят суставы, а когда выпьет – ему легче»; «Он переживает смерть своего отца»; «Мама пьет, потому что ей одиноко: она потеряла работу, а еще и подругу, с которой с детства дружили» и т. п. При этом негативные проявления и последствия алкогольной зависимости зачастую игнорировались либо обесценивались: «Не так уж все и плохо, у других хуже бывает»; «Он, когда напьется, спать ложится, не буйнит»; «Когда трезвый – он же замечательный отец». Некоторые были вынуждены терпеть поведение со стороны зависимого родителя из-за материальной выгоды, невозможности решить жилищный вопрос: «дополнительный заработок», «когда выпьет – щедрый», «негде жить», «куда было маме с двумя детьми деться» или привыкли и не обращают внимания на «тихого алкоголика», переключившись на взаимодействие с другими родственниками, друзьями.

Часть респондентов данной группы считали алкоголизм отца «нормой» («все мужики пьют, особенно в сельской местности») или боялись даже в мыслях осудить отца-алкоголика, дабы не вызвать на себя его гнев. Например, на вопрос о том, злоупотребляет ли отец алкоголем, одна из девушек ответила: «Выпивал, как все нормальные русские мужики. В запой не уходил. Алкоголиком я его назвать не могу». Далее

девушка со слезами на глазах рассказала о поведении «нормального» отца: «Наверное, в 5 лет впервые увидела (пауза, слезы не дают говорить), как мой отец избивает мать. Сильно. Он был выпивший, но стоять мог, не падал. В тот момент я хотела, чтобы все поскорее успокоилось. Ненависть. Я желала ему смерти. Ну, не в открытую, конечно. Ненавидела его всем своим существом. Потом, лет в 11–12, отец впервые поднял руку на меня. На Восьмое марта. Помню, как сейчас. К маме опять приставал. Я стала защищать, вспыхнула, но попало и мне. Чувство? И страх был, и ненависть... Шок. Потом и сестре досталось. С синяками в школу ходили (плачет). Мама, как могла, сглаживала».

Объяснение такого рода реакции детей мы находим в литературе. К примеру, В. Ю. Завьялов отмечает, что созависимое отношение позволяет членам семьи игнорировать наличие у родителя проблем с алкоголем [13]. Ребенок справляется с нарастающими опасениями и страхом и, используя механизмы защиты (отрицание, рационализация, вытеснение и др.), продолжает жить, не изменяя прежнего образа жизни. Однако в таком случае на совладание с кризисной ситуацией тратятся огромные внутренние силы, и, если родитель не прекращает пить, это может приводить в дальнейшем к еще большему разочарованию ребенка и развитию у него повышенной психоэмоциональной уязвимости, чувства собственной некомпетентности и безысходности.

Один человек (1,4 %) указал, что родитель пьет, но отказался обсуждать данную тему, что можно рассматривать как уход от разговора с целью сохранения «секрета семьи» (оборонительное отношение). В 5,4 % случаев не удалось дифференцировать отношение к проблеме алкогольной зависимости в семье: родители развелись до достижения респондентами дошкольного возраста, поэтому опрошенные только указали тот факт, что, по рассказам родственников, именно алкоголизация отца стала причиной распада семьи.

Заключение

Таким образом, кризисным для человека становится событие, субъективно расцениваемое им как неожиданное и/или сверхнормативное, поскольку оно несет в

себе угрозу разрушения внутреннего равновесия субъекта и приводит к нарушению стабильности течения его жизненного пути. В результате эмпирического исследования выделены типы отношения детей к кризисному событию в семье с учетом его типа. Так, «адаптивное» отношение возможно в ситуации переживания смерти члена семьи или развода родителей, но нехарактерно для ситуации совместного проживания с пьющим членом семьи; «зависимое» отношение проявляется в случае смерти члена семьи и в ситуации алкоголизма родителя, но нехарактерно для респондентов, переживших развод родителей; «враждебное» отношение наиболее характерно для ситуации алкоголизма родителя, но не характерно для лиц, переживших смерть члена семьи; «оборонительное» отношение в исследуемой выборке встречается реже других; «дистантное» отношение характерно только для респондентов, переживших смерть члена семьи.

Доминирующим типом отношения в ситуации *развода* родителей является «адаптивное», которое представлено двумя вариантами:

а) человек не ищет виновных в сложившейся семейной ситуации и продолжает общаться с обоими родителями;

б) развод оценивается как необходимый исход семейной ситуации, поскольку один из родителей злоупотребляет алкоголем и наносит вред (психологический, физический) себе и членам семьи.

Одна четвертая часть респондентов испытывает негативные эмоции по поводу случившегося и не может простить родителю(ям) разрушения семьи. Что касается остальных типов отношения, то при переживании развода родителей «оборонительное» и «зависимое» отношение встречаются значительно реже. Для ситуации развода нехарактерно «дистантное» отношение.

При переживании *смерти члена семьи* доминирующим типом отношения является «адаптивное», которое раскрывает особое философское, стоическое отношение, смирение с неизбежным. Реже других встречается «оборонительное отношение» и нехарактерно «враждебное» отношение. Мы считаем, что «дистантное» отношение в

ситуации смерти близкого человека является следствием вытеснения психотравмирующего опыта или результатом блокирования, «деформации процесса переживания» [14]. Следовательно, данный тип отношения к событию свидетельствует о непродуктивности процесса переживания.

В ситуации проживания с *членом семьи, злоупотребляющим алкоголем*, доминирующим типом отношения является «враждебное», которое характеризуется деструктивными эмоциями и чувствами (воздействие стрессора носит длительный, а в некоторых случаях приобретает хронический характер, поэтому доминирование аффективных реакций вполне закономерно). Для переживания данного кризисного события нехарактерны «адаптивное» и «дистантное» типы отношения. Практически не встречается отношение «оборонительного» типа, что противоречит общепризнанному убеждению о наличии феномена «секрет семьи», характерного для алкогольных семей. По нашему мнению, откровенности со стороны респондентов способствовало, с одной стороны, добровольное участие и готовность респондентов помочь в решении исследуемой проблемы, а с другой – большинство респондентов воспринимают «выпивающего» родителя (отца) как «норму» для современной семьи.

В соответствии с семантической характеристикой типа, в которой важное место занимает психоэмоциональное состояние личности, нами были сделаны выводы о благоприятности – неблагоприятности выделенных типов отношения. Неблагоприятными типами (нежелательными) являются «враждебное» и «зависимое» отношения, наиболее благоприятным – «адаптивное». Неблагоприятные типы отношения характерны в более 90 % случаев переживания алкоголизма родителя, более 25 % случаев переживания смерти члена семьи и более 30 % случаев переживания развода родителей. Следовательно, наиболее неблагоприятной, т. е. негативно сказывающейся на дальнейшем психоэмоциональном развитии личности, является кризисная ситуация, обусловленная алкоголизмом родителя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2009. – 713 с.
2. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание : монография / С. Л. Рубинштейн. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.
3. Шлыкова, Ю. Б. Автобиография и конструирование пространств бытия личности / Ю. Б. Шлыкова // Ананьевские чтения – 2008. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход : материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–23 окт. 2008 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Л. А. Цветковой [и др.]. – СПб., 2008. – С. 258–259.
4. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 с.
5. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 512 с.
6. Пергаменик, Л. А. Кризисная психология / Л. А. Пергаменик. – Минск : Выш. шк., 2004. – 240 с.
7. Jacobson, Q. F. Programs and techniques of crisis intervention / Q. F. Jacobson // American handbook of psychiatry / ed. by S. Arieti. – New York, 1974. – P. 810–825.
8. Caplan, G. Emotional crises / G. Caplan // The encyclopedia of mental health. – New York, 1963. – Vol. 2. – P. 521–532.
9. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М. : Смысл, 2003. – 301 с.
10. Новак, Н. Г. Структура опыта переживания ненормативного кризиса семьи / Н. Г. Новак // Вестн. МГИРО. – 2013. – № 2 (12). – С. 23–27.
11. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М. : МГУ, 1984. – 200 с.
12. Василюк, Ф. Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи / Ф. Е. Василюк // Вопр. психологии. – 1988. – № 5. – С. 27–37.
13. Завьялов, В. Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости / В. Ю. Завьялов ; под ред. Ц. П. Короленко. – Новосибирск : Наука, 1998. – 198 с.
14. Лэнгле, А. Эмоции и экзистенция / А. Лэнгле. – Краков : Гуманитар. Центр, 2007. – 332 с.

REFERENCES

1. Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshchiej psikhologii / S. L. Rubinshtejn. – SPb. : Pitier, 2009. – 713 s.
2. Rubinshtejn, S. L. Bytije i soznaniye : monografija / S. L. Rubinshtejn. – M. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957. – 328 s.
3. Shlykova, Yu. B. Avtobiografija i konstruirovaniye prostranstv bytija lichnosti / Yu. B. Shlykova // Anan'jevskije chtienija – 2008. Psikhologija krizisnykh i ekstriemal'nykh situacij: miezhdisciplinarnyj podkhod : matierialy nauch.-prakt. konf., Sankt-Pietierburg, 21–23 okt. 2008 g. / S.-Pietierb. gos. un-t ; pod ried. L. A. Cvietkovej [i dr.]. – SPb., 2008. – S. 258–259.
4. Bol'shoj psikhologichieskij slovar' / sost. i obshch. ried. B. G. Mieshchieriakova, V. P. Zinchienko. – 3-je izd., dop. i pierierab. – SPb. : Prajm-YEVROZNAK, 2007. – 672 s.
5. Kratkij psikhologichieskij slovar' / ried.-sost. L. A. Karpjenko ; pod obshch. ried. A. V. Pietrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. – 2-je izd., rassh., ispr. i dop. – Rostov n/D : Fieniks, 1999. – 512 s.
6. Piergamienshchik, L. A. Krizisnaja psikhologija / L. A. Piergamienshchik. – Minsk : Vysh. shk., 2004. – 240 s.
7. Jacobson, Q. F. Programs and techniques of crisis intervention / Q. F. Jacobson // American handbook of psychiatry / ed. by S. Arieti. – New York, 1974. – P. 810–825.
8. Saplan, G. Emotional crises / G. Caplan // The encyclopedia of mental health. – New York, 1963. – Vol. 2. – P. 521–532.
9. Kvalie, S. Issliedovatiel'skoje intervju / S. Kvalie. – M. : Smysl, 2003. – 301 s.
10. Novak, N. G. Struktura opyta pieriezhivaniya nienormativnogo krizisa siemji / N. G. Novak // Viestn. MGIRO. – 2013. – № 2 (12). – S. 23–27.

11. Vasiliuk, F. Ye. Psikhologija pieriezhivaniya (analiz prieodolieniya kritichieskikh situacij) / F. Ye. Vasiliuk. – M. : MGU, 1984. – 200 s.
12. Vasiliuk, F. Ye. Urovni postrojeniya pieriezhivaniya i metody psikhologichieskoj pomoshchi / F. Ye. Vasiliuk // Vopr. psikhologii. – 1988. – № 5. – S. 27–37.
13. Zav'jalov, V. Yu. Psikhologichieskiye aspiyekty formirovaniya alkogol'noj zavisimosti / V. Yu. Zav'jalov ; pod ried. C. P. Korolienko. – Novosibirsk : Nauka, 1998. – 198 s.
14. Lenglie, A. Emocii i ekzistencija / A. Lenglie. – Khar'kov : Gumanitar. Centr, 2007. – 332 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.09.2021